

УДК 008

Профанное и сакральное в частной жизни человека

Глазкова Татьяна Вацлавовна

Кандидат культурологии, доцент, доцент
Российская академия музыки им. Гнесиных,
121069, Российская федерация, Москва, ул. Поварская, 30-36;
e-mail: glaztatiana@yandex.ru

Аннотация

В статье на примере феномена семьи рассматривается проблема восприятия культурной традиции. Анализируется изменение статуса повседневности и роль сакрального в культуре повседневности. Культурно-исторический анализ русской повседневности позволяет проследить изменения, происходившие в ней на протяжении многих веков под влиянием внешних и внутренних факторов. Предлагаются различные определения культуры повседневности, существующие сегодня в культурологической науке, которые закрепляют за повседневной культурой статус пространства, где формируются и реализуются ценностные установки, проявляющиеся в коммуникации. В то же время показано, что традиционно культура повседневности рассматривалась как пространство, где раскрывается оппозиция профанного и сакрального в противопоставленности духовного и телесного, гармоничного и дисгармоничного. Утверждается, что сосуществование быта и бытия обеспечивается благодаря присутствию сакрального в структуре повседневности, а также наличию бинарной оппозиции «Я – Другой», которая реализуется в различных культурах. Именно аксиологическая проблематика наполняет содержание повседневности и ее основой феномен, в качестве которого предлагается рассматривать семью. Данная позиция опирается в том числе и на отношение к феномену семьи в культуре, которое высказано русскими религиозными философами. В этой связи акцентируется точка зрения В.В. Розанова, уделявшего в своих работах первостепенное внимание проблемам восстановления семьи, поскольку именно с семьей связаны основные ценности жизни и смысл существования человека. Это в конечном счете позволило философу утвердить бытийность как столь необходимый статус для восприятия повседневности и ее роли в культуре. Профанное и сакральное в культуре сосуществуют в пространстве частной жизни человека, в семье, придавая этому культурному феномену устойчивость в культуре, несмотря на различные изменения. Симбиоз профанного и сакрального, который должен быть представлен в семье одновременной заботой об удовлетворении утилитарных потребностей в здоровье всех ее членов и их духовном развитии, являющейся транслятором культурной традиции из поколения в поколение, на протяжении столетий вызывает интерес к ней со стороны художественной культуры.

Для цитирования в научных исследованиях

Глазкова Т.В. Профанное и сакральное в частной жизни человека // Культура и цивилизация. 2016. № 3. С. 62-73.

Ключевые слова

Повседневность, аксиология, профанное, сакральное, традиция, художественная культура, литературный дискурс.

Введение

В.М. Межуев, исследуя культуру, предложил относить к ней то, что направлено на развитие и самосовершенствование человека [Межуев, 1977, 11]. Солидаризируясь с этой позицией, исследователи в 70-80-е годы XX века сформулировали понятие «художественная культура», которое впоследствии и утвердилось в науке. В труде по социологии художественной культуры Ю.У. Фохт-Бабушкин предложил использовать понятие «художественный потенциал», включавшее возможности воздействия искусства на человека в создании, распространении и освоении произведений художественной культуры [Фохт-Бабушкин, 2001, 32]. Благодаря этому подходу можно найти объяснение пристального внимания искусства к повседневной жизни человека, которая постоянно становится его предметом.

«Как только... собственно эстетические элементы начинают преобладать и публика не узнает привычной для нее истории Хуана и Марии, она сбита с толку и не знает уже, как быть дальше с пьесой, книгой или картиной» [Ортега-и-Гассет, 1991, 223]. В той же работе испанский ученый отмечает, что «в произведении искусства ...озабоченность собственно человеческим принципиально несовместима со строго эстетическим удовольствием» [там же, 224]. Способность сопереживать прочитанному, услышанному или увиденному и заложенная, как правило, в произведении возможность такого сопереживания рассматриваются большинством зрителей, слушателей, читателей в качестве мерила состоятельности художника. Споры в науке об искусстве для всех и искусстве для избранных, по мнению Х. Ортеги-и-Гассета, сводятся к «оптической проблеме» [там же, 224]: кто-то способен увидеть только сад, а кто-то – и стекло окна, за которым он расположен. Этот пример был призван констатировать сложившуюся по данному вопросу ситуацию. Не умаляя важности поиска новых форм в искусстве, отдавая дань художественности, являющейся неотъемлемой частью произведения искусства, писатели XIX века, однако, в первую очередь уделяли внимание аксиологическим проблемам.

Анализируя художественную культуру, исследователь В.И. Грачев отмечает, что «художественные тексты выполняют функцию рефлексии жизни на уровне ее образов, смыслов, ценностей, норм и целей. Особенности и функции художественного текста определяют своеобразие его понимания: художественный текст содержит в себе не столько знание, сколько ценности, концентрирующиеся вокруг определенных идеалов» [Грачев, 2008, 11].

К вопросу о статусе культуры повседневности

Наличие аксиологической проблематики в искусстве, таким образом, можно рассматривать как важнейшую особенность творчества в целом и отдельного художественного произведения в частности. В.И. Грачев дает характеристику современной художественной культуры, однако этот подход вполне применим и к ранним этапам ее развития. Современная интерпретация классического произведения осуществляется в иной эпохе, чем эпоха его создания, и внимание как создателей интерпретации, так и зрителей, читателей, слушателей привлекает именно ценности и идеалы различных эпох, а их совпадение или разность являются предметом рефлексии исследователей.

Отношение к культурной традиции в русской литературе XIX века стало предметом репрезентации, выразилось в изображении столкновений героев, изменения их взаимоотношений. Это касается и изображения семейных отношений, так как семья, как представляется, в культуре повседневности выступает как основной концепт. Подтверждение этой позиции находим в определении содержания феномена повседневности, данном Г.С. Кнабе, который склонен рассматривать повседневность в качестве неотчужденной духовности, воспринимаемой как ценность: «Непосредственное содержание феномена повседневности состоит в воспроизводстве человеческой жизни – в продолжении рода, обеспечении его выживания трудом и борьбой с природой, с врагами, в создании, сохранении и совершенствовании защитной материально-пространственной среды» [Кнабе, 1989].

Именно в семье наблюдается сопряжение профанного и сакрального. При этом в работах исследователей культуры повседневности в последние годы отмечается внимание к роли сакрального в культуре, что коренным образом отличается от статуса повседневности в исследованиях предыдущих десятилетий, когда с повседневностью связывались преимущественно нерелевантные повторяющиеся в быту действия человека. А это, по сути, сводило культуру повседневности к обыденной культуре, являющейся лишь частью культуры повседневности и относящейся к сфере профанного. Об этом же пишет О.К. Румянцев, отмечая превращение повседневности «в пошлую обыденность» в связи с вытеснением сакрального из культуры повседневности постмодернизмом [Румянцев, 2005, 369].

«Мир практической деятельности, где правит здравый смысл, и фантастический, избыточный мир формул понимания мира» [там же] соединяются в мире повседневности, сообщая ему известную двойственность, возникающую от присутствия в нем бытового и бытийного. Если же, как показывает Г.С. Кнабе, отношение к духовным ценностям определяют бытовой комфорт, мода и престиж, бытие воспринимается как быт, выявляя в культуре повседневности ее «потенциально деструктивный и антикультурный смысл» [Кнабе, 1989].

В традиционной повседневности изначально была заложена оппозиция «сакральное – профанное» как противопоставление двух начал: духовного и телесного, аполлонического и

дионисийского, о чем пишет О.К. Румянцев [Румянцев, 2005, 369]. Христианская культура трактовала заявленную оппозицию как противопоставление гармоничного и дисгармоничного. Повседневность, таким образом, можно рассматривать как единство в частной жизни человека профанного и сакрального, где профанное включено в обыденную культуру и представляет собой повторяющиеся действия ритуального и утилитарного характера, которые призваны поддерживать физическое здоровье и материальное благополучие человека, а сакральное должно обеспечить духовное развитие личности.

Профанное регулируется законами общества, которые складываются в конкретную историческую эпоху с учетом ее традиций и нравственных установлений. Сакральное в структуре повседневности предполагает наличие бинарной оппозиции «Я – Другой», а также различных культур, обеспечивая сосуществование быта и бытия. Таким образом, пространство повседневности можно рассматривать как пространство частной жизни человека, не замыкающееся, впрочем, только на доме и семейном круге.

Семья как феномен культуры повседневности

Роль семьи в культуре повседневности обусловлена ее участием в обыденной культуре, в специализированных формах культуры, влиянием на межкультурную коммуникацию в границах приватного пространства и при переходе к специализированной культуре. Семья выступает как носитель и транслятор национальной традиции, который реализует собственные этой традиции обычаи и функции, реализуясь в повседневности в многогранных и часто непросчитываемых взаимоотношениях между людьми.

Так, традиция проявляется, в частности, в почтительном отношении к родителям, которое сохранялось и передавалось на Руси из поколения в поколение. При этом отмечается обязательность традиционных религиозных принципов в воспитании детей. Об этом пишут исследователи М.М. Громько и А.В. Буганов, ссылаясь на описание жизни крестьян Польшонского уезда этнографом XVIII века: «Дети почтительны к старшим, даже боязливы». То же отмечается и применительно к Тульской губернии рубежа XVIII–XIX веков: «В крестьянстве здешнем родители очень чадолюбивы, а дети послушны и почтительны. Не видно еще примеров, чтобы дети оставляли в пренебрежении отца или мать устаревших» [Громько, Буганов, 2000, 355]. Указанная позиция называется исследователями общепринятой. Однако проникновение и укрепление европейских взглядов на жизнь немало способствовало переменам. Преимущественно это касалось дворян, разночинной среды и городского населения.

Создавая, сохраняя и транслируя культурные ценности [Орлова, 2000; Сказко, 2005; Федотова, 2003], семья на протяжении поколений участвует в поисках и обретении ценностей, к которым, прежде всего, в культуре относились истина, добро и красота [Столович, 1994]. «Аксиологически ориентированная модель мира утверждалась еще в древности, в пери-

од «детства человечества», в мифах, объясняющих социальный и космический порядок в том его понимании, как отмечал Е.М. Мелетинский, которое свойственно данной культуре, тогда же создавался обобщенный социально-нравственный портрет человека, утверждался культ героя, культ предков» [Коновалова, 2008, 265].

Ценности культуры и семья

Говоря о значимости ценностного качества в жизни человека, Л.Н. Столович указывает на несовпадение понятий «жизнь» и «ценность», а также несводимость друг к другу понятий «ценности жизни» и «ценности культуры». При этом Л.Н. Столович ссылается на позицию Ю.М. Лотмана: «Ю.М. Лотман убедительно показал, что в русской культуре и литературе классического периода, помимо «бинарной системы», по которой все в мире делится на положительное и отрицательное, доброе и злое, святое и греховное и т. п., действовала и «тернарная модель», выраженная в творчестве Пушкина, Льва Толстого и Чехова. По этой модели, «мир жизни расположен между добром и злом», «он оправдан самим фактом своего бытия». ...Однако в творчестве Лермонтова, Гоголя и Достоевского, по мнению Лотмана, преобладала «бинарная система» ценностного непонимания. В русской философии она также преобладала: сама жизнь человека делилась на подлинную, действительно ценную, и жизнь суетливо-греховную. Притом, подлинная жизнь и выступает как критерий ценности, и иерархия ценностей соответствует иерархии жизни» [Столович, 1994, 74-75]. Ценности христианской культуры состояли в нравственно-идеальном. О чем писал русский философ И.А. Ильин, предлагая «усвоить Дух Христа и творить из него земную культуру человечества» [Ильин, 2007, 24].

Семья – это «искусственная психосоматическая, социальная и символическая иммунная система, в которой выращивается и существует человек», утверждает исследователь культуры повседневности [Марков, 2008, 208]. Несмотря на то, что феномен семьи претерпел достаточно много изменений и влияний, семейный мир и проблемы воспитания детей должны были придать жизненному укладу стабильность. На ранних стадиях становления русской истории зафиксированы происходившие изменения.

В лекциях по русской истории В.О. Ключевский отмечает, что «родовой союз держался на двух опорах: на власти родового старшины и на нераздельности родового имущества. Родовой культ, почитание предков освящало и скрепляло обе эти опоры» [Ключевский, 1997, 99]. Владыка дома пришел на смену владыке рода в связи с изменением характера расселения родственных дворов, а также способа ведения хозяйства, когда обработка отдельных земельных участков производилась трудом отдельных семейств, что привело к появлению частного семейного имущества. Постепенно ослабевала юридическая связь между родственниками, хотя, по словам В.О. Ключевского, это не мешало им «помнить свое кровное родство, хранить родовые обычаи, предания» [там же].

Образ жизни сложных семей ближайших родственников обусловил необходимость института брака, также способствовавшего сближению родов. Устройство греко-римского мира имело важнейшее влияние на семейные отношения в русском обществе. Влияние Византии, от которой Русь приняла христианство, «внесло несколько норм в гражданское право, именно в семейные отношения» [Ключевский, 1997, 358]. Историк С.М. Соловьев отмечал роль церкви в формировании этих отношений: «Семья, до сих пор замкнутая и независимая, подчиняется надзору чуждой власти; христианство отнимает у отцов семейств жреческий характер, который они имели во времена языческие; подле отцов плотских являются отцы духовные; что прежде подлежало суду семейному, теперь подлежит суду церковному» [Соловьев, 1990, 184].

Ключевский относит начало западного влияния на Русь к XVII веку, когда «религиозно-нравственная самоуверенность отцов подорвала духовную энергию детей» [Соловьев, 1990, 356-357]. Писатели XIX века усматривали начало этого влияния в эпохе петровских реформ, что отметил в своем исследовании быта и традиций русского дворянства XVIII – начала XIX века Ю.М. Лотман. Для женщин петровские реформы имели последствием «стремление внешне изменить облик, приблизиться к типу западноевропейской светской женщины» [Лотман, 1994, 50]. В начале XVIII века поверхностная европеизация коснулась семьи благодаря женщине. Женщины стремились иметь любовника, установили обычай не кормить детей грудью. Кокетство, балы, танцы, пение заместили семью, хозяйство, воспитание детей. Однако до конца XVIII века вера сохраняла в семье нравственную традицию [Лотман, 1994, 51].

Ситуация изменилась с распространением идей Просвещения. Ж.-Ж. Руссо утверждает стремление к природе, к «естественности» нравов и поведения. Меняется и отношение к ребенку. Это происходит в начале XIX века. Благодаря идеям Руссо «постепенно в культуру входит представление о том, что ребенок – это и есть нормальный человек» [Лотман, 1994, 53-54]. Уважительное отношение к ребенку, по мнению Ю.М. Лотмана, также является заслугой женщины, создающей мир детей в доме. «Домашнее чтение матерей и детей 1820-х годов – возрастало деятелей русской культуры середины и второй половины XIX века» [Лотман, 1994, 50].

На рубеже XVIII–XIX веков и в начале XIX века в России складывается определенная картина жизни общества, в которой представлены такие понятия, как сватовство, брак, семейные отношения: «Ритуал замужества в дворянском обществе XVIII – начала XIX века носит следы тех же противоречий, что и вся бытовая жизнь. Традиционные русские обычаи вступали в конфликт с представлениями о европеизме.

Домашняя жизнь дворянина XVIII века складывалась как сложное переплетение обычаев, утвержденных народной традицией, религиозных обрядов, философского вольнодумства, западничества, то поверхностного, то трагически влиявшего на разрыв с окружающей действительностью. Этот беспорядок, приобретающий характер идейного и бытового хаоса, имел и положительную сторону. В значительной мере здесь проявлялась молодость культуры, еще не исчерпавшей своих возможностей» [Лотман, 1994, 103-122].

В пореформенное время под влиянием развития промышленности и городов городская семья сменяет крестьянские семьи и семьи поместного дворянства. На смену родовому гнезду приходит съемная квартира в «доходном» доме или комнатой «от хозяев». Работники из крестьян заняты поиском временных заработков; мелкие чиновники влачат жалкое существование, так как их жалование несравнимо даже с доходами нищих на паперти [Беловинский, 2008].

Семья как основная форма повседневной культуры испытала на себе все эти изменения, получив в пореформенное время название «случайного семейства» (Ф.М. Достоевский) в противоположность «благочестивому», в основе которого лежали ценности христианской культуры.

Русский философ Н.А. Бердяев рассматривал семью как «иерархическое учреждение, основанное на господстве и подчинении. В ней социализация любви означает ее подавление» [Бердяев, 1989, 132], указывая на противопоставленность любви и общества друг другу и отмечая, что «любящий <...> враг общества» [Бердяев, 1989, 142]. Н.А. Бердяев видит в семье проявление значительной степени несвободы и даже рабства: «Семья религиозно, морально и социально оправдывает грешную, падшую половую жизнь деторождением и для деторождения возникает» [Бердяев, 2002, 185].

Русский религиозный философ В.В. Розанов впервые в русской культуре утвердил «самостоятельный бытийный статус» повседневности [Наливайко, 2005, 233]. Большое внимание в его работах уделяется проблемам восстановления семьи и связанных с нею основных ценностей жизни и смысла существования человека. В.В. Розанов вступает в полемику со многими исследователями брачно-семейных отношений. В результате этой полемики им была выстроена своя система взглядов по данной проблематике. По мнению философа, «несчастливая книжность, несчастная интеллигентность сделала то, что человек мыслит себя «подобием Божиим», когда строчит газетную статью или брошюру, а не когда носит на руках больного ребенка, не когда мать кормит его грудью, не когда родители зачинают его. <...> Нет, явно надо переменить все мотивы религиозности, всю мотивировку отношений к Богу и связи с Ним» [Наливайко, 2005, 253].

Заключение

Профанное и сакральное в частной жизни человека проявляется на бытовом и бытийном уровнях и в их взаимодействии. Выявляется и выстраивается бытийность существования человека прежде всего в семье. В то же время семья испытывает на себе различные тенденции общественного влияния, которые носят деформирующий характер. Повышается статус женщины в обществе и культуре, что сказывается на взаимоотношениях мужчины, хозяина и отца, и женщины, хозяйки и матери, а также на распределении ролевых функций в семье; на восприятии детьми авторитета родителей, которое под влиянием массовой

культуры замещается авторитетом коммерческого успеха. К созданию псевдосемьи привела замена отца государством с четкой идеологической установкой, предложенная тоталитарным обществом. В начале XXI века наметилась тенденция к преодолению этого наследства, обусловившая насущную потребность в анализе семейных традиций в культуре. Проблема изучения семьи как социокультурного феномена и его репрезентации в художественной литературе приобрела особую актуальность.

Феномен семьи многие годы привлекает внимание художественной культуры. Обращаясь к обыденным проявлениям и используя художественный потенциал семейных ситуаций, писатель ставит своей целью постижение человеческого характера и сплетение человеческих взаимоотношений. Представленный в литературном дискурсе XIX века феномен «случайного семейства» и роль семьи в художественной культуре нуждаются в изучении. Анализ репрезентации этого феномена в художественной культуре даст возможность рассмотреть особенности эмоционального воздействия на читателя или зрителя. Изучение оппозиции «профанное – сакральное» в пространстве семьи как основном концепте культуры повседневности, как представляется, будет способствовать утверждению роли, основанной на преодолении культурного шока, родственных уз для межкультурной коммуникации в современном мире.

Библиография

1. Беловинский Л.В. Культура русской повседневности. М.: Высшая школа, 2008. 767 с.
2. Бердяев Н.А. Размышления об эроте // Эрос и личность. М.: Политиздат, 1989. 527 с.
3. Бердяев Н.А. Смысл творчества. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2002. 688 с.
4. Грачев В.И. Феномен социокультурной коммуникации в современной художественной культуре (информационно-аксиологический анализ): автореферат дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2008.
5. Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М.: Паломникъ, 2000. 543 с.
6. Ильин И.А. Основы христианской культуры. М.: Эксмо, 2007. 528 с.
7. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в 3-х кн. М.: Мысль, 1997. Кн. 1. 443 с.
8. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в 3-х кн. М.: Мысль, 1997. Кн. 2. 447 с.
9. Кнабе Г.С. Диалектика повседневности // Вопросы философии. 1989. № 5. С. 26-46.
10. Коновалова В.П. Аксиологический подход к искусству в современной культуре // Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 т. Историческая культурология. СПб.: Алетейя, 2008. Т. 2. 424 с.
11. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб.: Искусство-СПБ, 1994. 670 с.
12. Марков Б.В. Культура повседневности. СПб.: Питер, 2008. 352 с.

13. Межуев В.М. Культура и история. М.: Издательство политической литературы, 1977. 200 с.
14. Наливайко И.М. Повседневность и проблема культурной самоидентификации. (Границы культуры и культура границ) // В перспективе культурологии: повседневность, язык, общество. М.: РИК; Академический Проект, 2005. С. 224-235.
15. Орлова Н.Х. Семья как объект социально-философского исследования (Эволюция семейных отношений на рубеже XX–XXI столетий): автореферат дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2000. 24 с.
16. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства // Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. С. 218-260.
17. Пушкарева Н.Н. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М.: Ладомир, 1997. 330 с.
18. Румянцев О.К. Мир повседневности. Миф // Теоретическая культурология. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга; РИК, 2005. С. 355-371.
19. Сказко А.С. Трансформация концепта «семья» в культуре России: дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2005. 171 с.
20. Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1990. 768 с.
21. Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина. Очерк эстетической аксиологии. М.: Республика, 1994. 464 с.
22. Столович Л.Н. Философия. Эстетика. Смех. СПб.: Тарту, 1999. 384 с.
23. Федотова Ю.В. Семья как феномен и носитель культурных традиций (Европа с древности до начала XX в.): дис. ... канд. культурологии. М., 2003. 153 с.
24. Фохт-Бабушкин Ю.У. Искусство в жизни людей. СПб.: Алетейя, 2001. 558 с.

The profane and the sacral in a human's daily life

Tat'yana V. Glazkova

PhD in Cultural Studies, docent,
Gnessin Russian Academy of Music,
121069, 30-36 Povarskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: glaztat'yana@yandex.ru

Abstract

Objectives. The article examines the ways of realization of the concepts of the profane and the sacral in a human's daily life and the transformation of daily life status. The article also aims at the problem of transformation of these concepts within the institute of family.

Methods. The research uses the method of cultural and historical analysis of the Russian daily life.

Results. The author suggests a number of the various definitions of daily life culture that mark daily life as a space for value system formation and a space of the dichotomy of profane-sacral. The author states that the sacral in culture allows the co-existence of daily life and the notion of being. The author points that the dichotomy of I-other realized in a number of various cultures also influences it.

Conclusion. The profane and the sacral co-exist in the space of a human's private life that makes the cultural phenomena more stable in spite of a number of ongoing changes in culture. The symbiosis of the profane and the sacral regarded to exist in a family as an attitude to its utilitarian needs and its spiritual development that is considered to be an instrument of the translation of culture for generations.

For citation

Glazkova T.V. (2016) Profannoe i sakral'noe v chastnoi zhizni cheloveka [The profane and the sacral in a human's daily life]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 3, pp. 62-73.

Keywords

Daily life, axiology, the profane, the sacral, tradition, artistic culture, literary discourse.

References

1. Belovinskii L.V. (2008) *Kul'tura russkoi povsednevnosti* [The culture of the Russian daily life]. Moscow: Vysshaya shkola Publ.
2. Berdyaev N.A. (1989) Razmyshleniya ob erose [Reflections about eros]. In: *Eros I lichnost'* [Eros and personality]. Moscow: Politizdat Publ.
3. Berdyaev N.A. (2002) *Smysl tvorchestva* [The meaning of the creative act]. Moscow: AST Publ., Kharkov: Folio Publ.
4. Fedotova Yu.V. (2003) *Sem'ya kak fenomen i nositel' kul'turnykh traditsii (Evropa s drevnosti do nachala XX v.). Dokt. Diss.* [Family as a phenomena and a bearer of cultural traditions. Doct. Diss.]. Moscow.
5. Fotkh-Babushkin Yu.U. (2001) *Iskusstvo v zhizni lyudei* [Art in people's life]. Saint Petersburg: Aleteiya Publ.
6. Grachev V.I. (2008) *Fenomen sotsiokul'turnoi kommunikatsii v sovremennoi khudozhestvennoi kul'ture (informatsionno-aksiologicheskii analiz). Dokt. Diss.* [The phenomena of socio-cultural communication in the modern artistic culture (informational and axiological analysis). Doct. Diss.]. Saint Petersburg.

7. Gromyko M.M., Buganov A.V. (2000) *O vozzreniyakh russkogo naroda* [On the beliefs of the Russian people]. Moscow: Palomnik Publ.
8. Il'in I.A. (2007) *Osnovy khristianskoi kul'tury* [The basics of Christian culture]. Moscow: Eksmo Publ.
9. Klyuchevskii V.O. (1997) *Russkaya istoriya. Polnyi kurs lektsii v 3-kh t.* [The Russian history. The complete series of lectures in 3 vol.], Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ.
10. Klyuchevskii V.O. (1997) *Russkaya istoriya. Polnyi kurs lektsii v 3-kh t.* [The Russian history. The complete series of lectures in 3 vol.], Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ.
11. Knabe G.S. (1989) Dialektika povsednevnosti [The dialectics of daily life]. *Voprosy filosofii* [The issues of philosophy], 5, pp. 26-46.
12. Konovalova V.P. (2008) Aksiologicheskii podkhod k iskusstvu v sovremennoi kul'ture [The axiological attitude in the modern culture]. *Fundamental'nye problemy kul'turologii: v 4 t. Istoricheskaya kul'turologiya* [The fundamental problems of cultural studies: in 4 vol.], Vol. 2. Saint Petersburg: Aleteiya Publ.
13. Lotman Yu.M. (1994) *Besedy o russkoi kul'ture* [Discussions on the Russian culture]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ.
14. Markov B.V. (2008) *Kul'tura povsednevnosti* [The culture of daily life]. Saint Petersburg: Piter Publ.
15. Mezhuiev V.M. (1977) *Kul'tura I istoriya* [Culture and history]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ.
16. Nalivaiko I.M. (2005) Povsednevnost' i problema kul'turnoi samoidentifikatsii. (Granitsy kul'tury i kul'tura granits) [Daily life and the problem of the cultural self-definition (The culture of border and the borders of culture)]. In: *V perspektive kul'turologii: povsednevnost', yazyk, obshchestvo* [In the perspective of cultural studies: daily life, language, society]. Moscow: RIK; Akademicheskii proekt Publ., pp. 224-235.
17. Orlova N.H. (2000) *Sem'ya kak ob»ekt sotsial'no-filosofskogo issledovaniya (Evolyutsiya semeinykh otnoshenii na rubezhe XX-XXI stoletii). Dokt. Diss. Abstract* [Family as an object of socio-philosophic research (The evolution of family relations at the cusp of XX-XXI centuries). Doct. Diss. Abstract]. Saint Petersburg.
18. Ortega-i-Gasset H. (1991) Degumanizatsiya iskusstva [The dehumanisation of art]. In: *Estetika. Filosofiya kul'tury* [Aesthetics. The philosophy of culture]. Moscow: Iskusstvo Publ., pp. 218-260.
19. Pushkaryova N.N. (1997) *Chastnaya zhizn' russkoi zhenshchiny: nevesta, zheni, lyubovnitsa (X – nachalo XIX v.)* [The private life of a Russian woman: bride, wife, mistress (X – the beginning of XIX century)]. Moscow: Lodomir Publ.
20. Rumyantsev O.K. (2005) Mir povsednevnosti. Mif [The world of daily life. The world]. In: *Teoreticheskaya kul'turologiya* [Theoretical cultural studies]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ.; Ekaterinburg: Delovaya Kniga Publ., pp. 355-371.

-
21. Skazko A.S. (2005) *Transformatsiya kontsepta «sem'ya» v kul'ture Rossii. Dokt. Diss.* [The transformation of the concept of family in the Russian culture. Doct. Diss.]. Stavropol.
 22. Solov'yov S.M. (1990) *Chteniya i rasskazy po istorii Rossii* [Readings and stories on the Russian history]. Moscow: Pravda Publ.
 23. Stolovich L.N. (1994) *Krasota. Dobro. Istina. Ocherk esteticheskoi aksiologii* [Beauty. Goodness. Truth. The essay on aesthetical axiology]. Moscow: Respublika Publ.
 24. Stolovich L.N. (1999) *Filosofiya. Estetika. Smekh* [Philosophy. Aesthetics. Laughter]. Saint Petersburg: Tartu Publ.